

ПЕРЕОСМЫСЛИВАЯ ВОЙНУ (предисловие к номеру)

Сегодня наиболее распространенные подходы к осмыслению войны располагаются в спектре, который ограничен двумя крайними позициями. С одной стороны, война выступает всего лишь политическим средством. В этом смысле известный тезис К. фон Клаузевица до сих пор остается выражением идеи о том, что именно политический интерес является оправданием организованной вооруженной борьбы между коллективными политическими субъектами¹. С другой стороны, война представляется феноменом, далеко выходящим за рамки политических процессов в качестве широкомасштабного социального и культурного кризиса. В исторической перспективе этот кризис мыслится как нечто атрибутивное обществу любой эпохи: войны были, есть и будут, поскольку в политическом, историческом и экзистенциальном смысле они оказываются функциональны и даже прескриптивно необходимы.

Точки зрения, располагающиеся в рамках обозначенного спектра, нуждаются в радикальном пересмотре. События последних трех лет, связанные с войной в Украине, требуют иных перспектив осмысления войны по следующим причинам. Во-первых, слово «война» вытесняется из политического лексикона. Со времен перехода к войнам четвертого поколения² политики говорят о «спецоперациях», «точечных

¹ Согласно Клаузевицу, «война есть не что иное, как продолжение политики иными средствами»; она представляет собой «расширенное единоборство», а с позиции деятеля – «акт насилия, имеющий целью заставить противника выполнить нашу волю»; см.: К. Клаузевиц: *О войне*, М: Логос, Наука, 27 (1998), 35.

² Статья, опубликованная У. Линдом в соавторстве с американскими офицерами в *Marine Corps Gazette* (1989), ставит вопрос о переходе к т.н. войнам четвертого поколения. Этот переход представляется комплексным использованием в войне технологий, идей и стратегий, сформировавшихся ранее, но приобретающих конфигурацию, изменяющую базовые параметры войны. Возможной образцовой формой такого перехода могут считаться террористические действия, предполагающие высокую мобильность и точность при малой огневой мощи, применение «обходных» тактик, избегающих открытого вооруженного столкновения; расширение объекта силового воздействия (вместо специализированных военных объектов таким объектом становится общество противника как таковое), активное использование «естественных» социальных и гражданских условий; транснациональный характер, применение атак на культуру и психологических средств через СМИ. См.: У.С. Линд и др.: *Меняющееся лицо войны: четвертое поколение*. Режим доступа: <http://pentagonus.ru/publ/23-1-0-1094>. Дата доступа: 12.03.2017; W.S Lind; K. Nightengale, J.F Schmitt, J.W. Sutton,

ударах», «контртеррористических мерах», применении «мягкой силы» (soft power) и т.п. Во-вторых, цели войны уже не определяются в политическом дискурсе как непосредственный захват территории, подавление воли противника или вооруженная победа над ним. Осмысление этого обстоятельства в совокупности с выводами, полученными при анализе конкретных военных конфликтов, приближают к парадоксальной мысли о том, что война для участвующих в ней сторон является не только противоборством воль, но и взаимодействием, напоминающим совместное предприятие. В-третьих, в связи с медиализацией информационного пространства сведения о войне утрачивают отчетливые критерии достоверности: часто не совсем ясно, ведется ли война, война ли это, кто с кем воюет и за что. Информация, распространяющаяся в средствах массовой коммуникации, обладает настолько мощным суггестивным эффектом, что способна порождать диаметрально противоположные представления об одних и тех же событиях. В-четвертых, последствия так называемых локальных военных конфликтов выходят далеко за пределы общественно-политической жизни воюющих сторон. Так, например, военный конфликт в Украине привел к латентному расколу в беларусском обществе.

Новые направления в осмыслении войны должны предполагать пересмотр не только самого понятия войны, ее социального, культурного и антропологического значения, но прежде всего пересмотр базовых концептов, которые с ним связаны, в частности таких, как «политика» и «власть». Сегодня в практическом соотношении войны и политики можно констатировать принципиальное смещение от ситуации первичности политики в отношении войны к ситуации первичности войны в отношении политики. В последнем случае война не является формой или средством реализации политики, но выступает лишь доведенной до предела манифестацией господства или иных диссоциирующих сил, прерывающих политический процесс. Политическое становится в лучшем случае эпифеноменом иных процессов, маркируемым как «политическое».

Первоначальной целью данного тематического выпуска было исследование механизмов взаимного производства войны, политики и власти в контексте украинских событий. По мере подготовки материалов для журнала стало ясно, что предложенная тематика не только не может быть редуцирована к жестко заданным проблемным полям, но и в своем воплощении – к материалам строго академических жанров. Тематика войны и власти, как показывает опыт данного номера, была воспринята и понята многими представителями интеллектуальных сообществ как «не вмещающаяся» в рамки академизма с его требованием четкого дистанцирования от мыслимого предмета. Эта предметная «избыточность», прорывающая и прерывающая привычный научный дискурс, по-видимому,

G.I. Wilson: *The Changing Face of War: Into the Fourth Generation*, in: *Marine Corps Gazette*, 73 (1989), 22–26.

является следствием ряда обстоятельств, на которые здесь необходимо указать.

Первое обстоятельство состоит в том, что подавляющее большинство авторов номера оказались персонально мотивированы в отношении темы войны и, в частности, украинских событий, имея достаточно четко определенную ценностную установку. В этом смысле позиция персональной оценки, мотивированная своеобразным свидетельством или некоторой степенью вовлеченности, «притягивает» к себе исследовательскую позицию. Откровенно говоря, сама тема предлагаемого номера появилась непосредственно из той ситуации, в которой мы все оказались: в Украине идет война. Это стало событием, о котором было невозможно не думать.

Второе обстоятельство, связанное с первым, манифестирует особенность любой социально-философской аналитики, состоящую в том, что мотив, процесс и результат такой интеллектуальной деятельности всегда связаны если не с социальными целями, то наверняка – с социальными ценностями. Статьи предлагаемого номера производят определенным образом направленные социальные действия. Именно это объясняет присутствие в номере материалов в форме авторских эссе.

Представленные в номере статьи не претендуют на формирование некоего целостного видения. При этом необходимо отметить, что особенности номера по-своему отражают трудности интеллектуального освоения самой проблематики войны. Указанные выше обстоятельства, с одной стороны, и требования академической интеллектуальной деятельности – с другой, обусловили ряд линий напряженности, проходящих через методологические поля представленных в номере изысканий.

Одну из таких линий создает оппозиция «пафос – логос»: это напряжение, возникающее между заинтересованной экзистенциально-эмоциональной и отстраненно-рациональной оценкой актуализированной проблематики войны. Как можно убедиться, удержание этого различия иногда действительно имеет место, иногда становится затруднительно, а иногда (более или менее успешно) рефлексивно снимается самим автором.

Другая линия в дискурсивном развертывании тематики войны задана полюсами субъектности и объектности, вокруг которых концентрируются соответствующие исследовательские усилия. Отстраивание размышления вокруг субъектного полюса чаще всего вызвано стремлением исследователя к пониманию механизмов вовлечения акторов в процессы, вызванные ситуацией войны, конструирования или воспроизводства их диспозиций, субъективного видения, установок и действий. С другой стороны, тяготение к объектному рассмотрению часто является не просто попыткой представить все «как есть на самом деле», т.е. объяснить, а выражением необходимости сообщить, представить нечто узнанное в качестве убедительного и действительно важного.

Наконец, еще одна линия напряжения представляет собой проявление противоречия между «теорией» и «жизнью», если понимать его как расщепленность «теоретической жизни» (βίος θεωρητικός) самого интеллектуала. Этот разрыв можно рассматривать как неизбежный момент исследовательского движения, погруженного в социальный контекст. Явная или скрытая оппозиция дескриптивного и прескриптивного, притязания на «объективность», с одной стороны, и критический пафос – с другой; в конце концов, проблематичность самой исследовательской позиции в отношении происходящего не «где-то там», а «здесь и сейчас», – возможно, это и есть различные формы указанной расщепленности. Академическая философская спекуляция, встречающаяся в предлагаемых материалах, соседствует с попытками поиска языка, в котором угадывается указание на обнажение «Реального» и на котором становится трудно говорить. Это затруднение является следствием ускользания предмета – ситуации войны – от вписывания в привычные нам дискурсивные порядки.

Надеемся, что материалы, представленные в этом номере, послужат тем, кто заинтересован в конструктивной реконцептуализации войны, насилия, власти и политики.

Игорь Подпорин